

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Статья посвящена деятельности религиозных конфессий с осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Она рассматривается как фактор минимизирующий девиантное поведение осужденных.

Ключевые слова: религиозные конфессии, осужденные, учреждения уголовно-исполнительная система, девиантное поведение.

М.К. Gaidai

ACTIVITY OF RELIGIOUS CONFESSION THE PRISON ESTABLISHMENTS

This article is devoted to the activity of the religious confessions in the work with the convicts in the institutions of the criminal-executive system. This activity is considered as a factor minimizing deviation in the convicts' behaviour.

Key words: religious confessions, establishments criminaly-executive system, deviation behaviour.

В исправительных учреждениях используются различные формы и методы воспитательного воздействия на осужденных. В последние годы все больше включается в эту деятельность Русская православная церковь.

Несмотря на то, что Россия светское государство вопросам взаимодействия церкви и уголовно-исполнительной системы сегодня отводится важное место. Между Минюстом РФ и Русской православной церковью существует соглашение о сотрудничестве, в соответствии с которым и осуществляется активная совместная работа. Тем самым на практике реализуется одно из положений послания Алексея II: «Пастырь церковный должен вносить в тягостную и напряженную тюремную атмосферу дух примирения и взаимного уважения, дух Христовой любви и правды» [1]. Не один год проводятся Международные рождественские образовательные чтения, на которых работает секция «Духовное просвещение в местах лишения свободы», которую организует Синодальный отдел Московского патриархата Русской православной церкви по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями, федеральная служба исполнения наказаний при участии общественных и религиозных организаций.

Вопросы, связанные с духовно-просветительской деятельностью в местах лишения свободы, не так новы, как может показаться на первый взгляд. В дореволюционной России при тюремных замках строились церкви, где священники могли проводить богослужения. Так, в 1873 г. не далеко от Иркутска (в 80 верстах) была учреждена Александровская центральная каторжная тюрьма, в состав которой входили кроме главного двухэтажного корпуса больница, семейные бараки для жен и детей каторжан, школа-приют, а также каменный православный храм [2]. Потом, в связи с коммунистической идеологией советского государства подобная практика прекратилась. Но в конце XX в. в связи с изменением общественной

и политической жизни в стране религиозная деятельность вновь возрождается, в том числе и в местах заключения. Однозначно трудно сказать, что это дань моде или традиционная исконно русская потребность в вере и духовности, пришедшая к нам еще со времен крещения Руси. Практики пенитенциарной службы далеко не однозначно воспринимают это явление. Одни полагают, что это лишь «показуха». Со стороны администрации учреждения это делается для демонстрации своей активности, творчества в работе с заключенными; а также и со стороны самих осужденных, для которых это якобы лишняя возможность продемонстрировать администрации и сотрудникам учреждения свое старание и быстрее выйти на свободу, к примеру, добиться условно-досрочного освобождения. Другие искренне верят в положительные результаты совместной работы сотрудников пенитенциарного учреждения и религиозных организаций по исправлению и воспитанию девианта, преступника. Третьи же, и таких, наверное, большинство, относятся к подобной совместной работе спокойно, считая, что все средства в работе с осужденными хороши, почему бы и деятельность церкви не использовать, были бы положительные результаты. Современный этап взаимодействия уголовно-исполнительной системы России с религиозными организациями связывают с приказом МВД СССР от 10 октября 1989 года № 250, в соответствии с которым были приняты рекомендации по взаимоотношениям в то время еще исправительно-трудовых учреждений с религиозными организациями и служителями культов [3]. Сегодня в пенитенциарных учреждениях строятся храмы и церкви, выделяются помещения для отправления религиозных культов и обрядов, тем самым реализуется конституционное право человека на свободу совести и вероисповедания. Ведь согласно ст. 28 Конституции Российской Федерации, каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать

индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. В Зиминском районе Иркутской области в ИК-32 есть храм святой Анастасии Узорешительницы, в котором в 2002 г. произошел пожар и спасти пожарные смогли только звонницу. Отбывающие там наказание рассудили, что Бог испытывает их и восстановили храм в течение месяца. В 2005 г. был открыт храм во имя Святителя Иннокентия епископа Иркутского в Ангарской воспитательной колонии в Иркутской области. Прекрасная церковь есть на территории ИК-19 в поселке Марково, вблизи Иркутска.

Священнослужители осуществляют религиозное просвещение осужденных, читая им лекции или проводя личные беседы, а также ведут переписку с осужденными, способствуют возвращению их к основам нравственности, и развитию их личной культуры, направляя их на деятельность, творческую основу, помогают в решении социальных проблем, да и просто по человечески их утешают. В действующих храмах, расположенных на территории исправительных учреждений, проводятся богослужения, отмечаются религиозные праздники, совершаются обряды исповеди, крещения, венчания и т.д. В учреждениях уголовно-исполнительной системы создаются общины верующих осужденных. В некоторых даже организован церковный хор из числа осужденных. С 2005 г. на территории Ленинградской области начал действие христианский канал ТБН («Телесеть благих новостей»), а в 2007 г. начал вещание в учреждениях ФСИН России церковно-общественный телеканал «Спас». Интересно мнение самих осужденных о подобных телеканалах и их влиянии на осужденного или его «сокамерников». В.А. Бачинин пишет о том, как передачи канала ТБН повлияли на осужденных, он отмечает, что по собственному признанию 54 % респондентов стали по-иному смотреть на свою прежнюю жизнь, осуждая собственные неблагоприятные поступки; 43 % получили новые знания о жизни; 25,5 % ощутили потребность в получении образования и приобретении хорошей профессии; 19,5 % почувствовали улучшение своего эмоционально-психологического состояния; 5 % не ощутили никакого воздействия; 11 % опрошенных затруднились дать ответ [4]. Кроме того, есть случаи, пусть и единичные, когда после отбывания наказания бывшие преступники осознанно связывают свою дальнейшую жизнь с церковью. С другой стороны даже если всего одному человеку смог помочь священнослужитель, если этот осужденный после отбывания срока наказания придет к нормальной жизни и вновь не станет на преступный путь, то это уже, несомненно, положительный результат работы.

Особенно важна воспитательная работа священнослужителей с теми осужденными, которые не имеют возможности трудиться. А ведь труд – это одно из основных средств исправления осужденного (при всей спорности вопроса о исправляющей функции тюрьмы). Это в первую очередь инвалиды, и больные осужденные. Ведь, по данным на 2007 г., «... в исправительных учреждениях содержатся 298,8 тыс. осужденных, являющихся инвалидами, нетрудоспособными или ограниченно трудоспособными, в том числе: 76,1 тыс. больных психическими расстройствами и отклонениями, 47,4 тыс. – больных активной формой туберкулеза, 43,8 тыс. наркоманов, 39,6 тыс. ВИЧ-инфицированных, 38 тыс. хронических алкоголиков, 24,5 тыс. инвалидов 1, 2 и 3 групп» [5]. Важна работа священнослужителей с наркоманами. Некоторые проблемы наркомании поднимаются в книге «Духовные основы наркомании» под общей редакцией иеромонаха Анатолия (Берестова). Иеромонах Анатолий теоретически обосновывает причины наркомании, а также на практике занимается лечением наркоманов и результаты его усилий весьма эффективны (до 80% излечившихся), кроме того, до принятия пострига Берестов – известный детский невропатолог, доктор медицинских наук, профессор, поэтому в его лице мы видим одновременно и священнослужителя и врача. Иеромонах Анатолий рассматривает наркоманию как духовное явление. Это доминанта его рассуждений о генезисе этого феномена, его исторических, традиционных, национальных корнях, о путях распространения наркомании в Новое время, о ее влиянии на возникновение и развитие различных философских и культурных школ и течений за последние полтора столетия. Иеромонах Анатолий резюмирует свои рассуждения о наркомании следующим образом: «Важнейшим выводом, который представляется необходимым сделать..., будет признание наркомании псевдорелигиозной, оккультной по своей сути духовной практикой, закономерность и неизбежность появления которой обусловлено глубоким духовным кризисом современного общества, отвержением традиционных христианских ценностей и утратой духовного иммунитета. Это корень проблемы, все остальное – следствия, которые не смогли бы существовать без первопричины. Наркомания предстает перед нами не как болезнь, а как симптом. Очевидно, что, устраняя симптом, необходимо лечить болезнь. Неэффективность борьбы с наркоманией происходит от непонимания ее сути, причин возникновения и существования, от попытки сведения проблемы к отдельно взятым ее аспектам – чисто правовому, медицинскому или социологическому. Такой подход превращает борьбу с наркоманией в сизифов труд, поскольку усилия направляются на устранение последствий, а не порождающих их причин. ... Будучи, по сути своей, проблемой мировоззренческой и даже ре-

лигиозной, наркомания, таким образом, согласно этому определению, выходит за рамки компетенции силовых, медицинских или административных структур. Тем не менее на них современное общество в первую очередь возлагает свои надежды» [6]. Так, в качестве основной причины наркотизма, наркомании представители церкви видят именно духовную опустошенность и деградацию. Видение наркомании как социальной проблемы, болезни общества священнослужителями отличается от трактовок этого деструктивного явления другими специалистами – правоведами, для которых это преступление, медиками, для которых это болезнь и т.д. Преодолеть наркоманию, в том числе и в местах лишения свободы, каким-то одним способом, или административно-правовым, или медицинско-принудительным, или духовно-религиозным не представляется возможным. Поэтому необходим целостный, комплексный подход в борьбе с этим страшным недугом, грехом, отклоняющимся поведением.

Немаловажно, чтобы слова священнослужителей дошли до сознания осужденного, чтобы заповеди были не просто текстом, а стали нормой жизни, которой они будут пользоваться после отбытия срока лишения свободы. То есть осуществляется работа по ресоциализации осужденных, перед выходом их на свободу. После бесед со служителями церкви осужденные задумываются о смысле жизни, возможно и раскаиваются в совершенном преступном деянии. Ведь церковь рассматривает преступление как явление аморальное, как грех.

Россия страна многонациональная и многоконфессиональная, поэтому важно, чтобы осужденные не только православного вероисповедания

получали духовную помощь и поддержку, но и учитывались религиозные чувства представителей других религиозных конфессий, ведь в пенитенциарных учреждениях отбывают наказание в виде лишения свободы представители различных конфессий. В исправительных учреждениях уже действуют более тридцати мечетей и ста моленных комнат. Председатель совета муфтиев России, муфтий шейх Равиль Гайнутдин говорит о том, что логика действий совета муфтиев России достаточно проста: мы считали и считаем, что сначала человек должен измениться в своих мыслях, а уже затем и в своих действиях. Именно поэтому мы не только оказываем социальную поддержку россиянам, находящимся в местах лишения свободы, но и стремимся помочь душам этих людей [7].

Однако стоит помнить и о возможности распространения различных вероучений не традиционного, деструктивного, экстремистского направления, сектантских образований, к примеру, ваххабитской идеологии. Которые могут осложнить обстановку в учреждении, посеять агрессию, ненависть и вражду между осужденными. Поэтому работа по взаимодействию с религиозными объединениями и концессиями предполагает строгий отбор и ставку на традиционные религии.

В связи с рассматриваемой проблемой интересно мнение самих осужденных к лишению свободы. Приведем анализ отношения осужденных респондентов, который рассматривался нами в книге «Пенитенциарная девиантность в условиях трансформации российского общества. Социологический анализ» [8].

Таблица 1

Отношение заключенных к религии

№	Варианты ответов	Число респондентов	%
1.	Я атеист (не верю в Бога)	101	16,5
2.	Верил в Бога еще до того, как попал в заключение	389	63,7
3.	«Пришел» к Богу в заключении	64	10,5
4.	Затрудняюсь ответить	35	5,7
5.	Без ответа	22	3,6

Как видим, 16,5% респондентов, заявили о своем отношении к религии как атеисты. Данный показатель в основном соответствует традиции отношения к религии в России в течение нескольких последних десятилетий XX в. Процент лиц, считающих себя атеистами, по оценкам зарубежных источников, в современной России составляет примерно 30. На протяжении десятков лет господствующей философской концепцией был марксизм-ленинизм, основу которого составлял диалектический материализм, в рамках данного учения места религии, Богу не было. Народ воспитывался в рамках атеизма, который был одной из составляющих советской идеологии.

63,7%, респондентов заявили, что верили в Бога еще до того, как попали в заключение. Этот показатель, на первый взгляд, вызывает некоторые сомнения. Очевидно, определенная часть давших подобный ответ, подошла к вопросу о своем отношении к религии несколько упрощенно: раз я крещен, значит - верю в Бога. Но здесь возникает ряд вопросов. Если человек верит в Бога, как понимать то, что он нарушает его основные заповеди: не убий, не укради, не прелюбодействуй. Быть крещеным - не значит быть верующим. Обряд крещения происходит, как правило, в весьма юном возрасте, когда человек еще не осознает существа этого таинства и других важных моментов веры. После обряда крещения должен протекать дос-

таточно продолжительный, сложный и трудный процесс воцерковления. Это означает, что многие современные россияне, в том числе и осужденные к лишению свободы, большее внимание обращают на внешнюю, культовую сторону христианской религии: увидел церковь – нужно перекреститься, посты воспринимают как диету, шоферы имеют в машине лик Николая Чудотворца, носят нательные крестики, а некоторые воспринимают их как ювелирное украшение и одевают их поверх одежды, т.е. обращают больше внимание внешней атрибутике. В стороне остается то, что составляет сущность религии: вопросы веры, духовности, отношение к Богу, к близким, вопрос покаяния, глубокого духовного миропонимания, мировоззрения и т.п. Если бы те 63,7% относились к религии, православию, Богу именно с таких позиций, т.е. с позиций веры и духовности, то они, с большой долей вероятности, не совершили бы преступные деяния и не попали бы в учреждения пенитенциарного типа. Поэтому их отношение к церкви, Богу, очевидно, на зародышевом уровне. Им, по крайней мере, предстоит глубокий, трудный, длительный процесс воцерковления.

Десятая часть всех респондентов отмечает, что «пришли» к Богу в заключении. Можно предположить, что до заключения, а значит, на момент совершения преступления они были атеистами. Подобная тенденция видится нами как позитивное явление. Это говорит только о положительной тенденции независимо от нашего личностного отношения к религии. Другой вопрос, насколько искренне это признание и насколько глубока их вера в Бога, которая должна быть связана не только с культовой стороной, но и с теми преступлениями, которые они совершили, если они покаются. Хотя мнение сотрудников пенитенциарных учреждений по этому вопросу неоднозначно.

При анкетировании респондентам был задан вопрос: «Если Вы верующий человек, то помогает ли вера в Бога переносить тяготы и лишения жизни в заключении»? Данный вопрос предполагает не только материальные, физические, утилитарные, бытовые тяготы и лишения, но и трудности духовного, морального, психологического переживания и оценки своего преступного деяния, из-за чего человек попал в места лишения свободы.

Большинство опрошенных 46,2 % ответили – «Да, помогает». По нашему мнению, подобный ответ несет в себе амбивалентность. С одной стороны хорошо, что вера в Бога, религиозные чувства помогают человеку в сложной жизни в условиях лишения свободы. Но, с другой – если человек глубоко верит в Бога, то его религиозные убеждения должны во много крат усилить духовные, душевные, психологические переживания о совершенном преступном деянии, усилить чувство вины перед жертвами преступного деяния, потерпевшими, привести к покаянию, которое в подоб-

ных условиях не может не сопровождаться угрызениями совести, духовными страданиями.

Вариант ответа – «Нет, только усугубляет душевные муки и вину перед людьми» отметили только – 3,4% заключенных. Это, как правило, глубоко верующие люди. Данный вывод подтверждается теорией рационального выбора, связывающей санкции, которые индивиды склонны применять сами к себе, со степенью религиозности. Наиболее религиозным индивидам свойственно интенсивное чувство вины за девиантные поступки.

Затруднились дать определенный ответ на данный вопрос 29,4% респондентов. По нашему мнению, их религиозность неглубока, поверхностна и они не соотносят свое преступное деяние со своими религиозными чувствами и убеждениями, если таковые у них имеются.

В целом можно говорить о том, что деятельность священнослужителя в пенитенциарных учреждениях положительно влияет на осужденных, смягчает напряженность в их взаимоотношениях друг с другом и сотрудниками. Ведь «места заключения – это зона душевного неблагополучия и психологической напряженности, длящейся годами, как для содержащихся под стражей, так и для их стражи» [9].

Но нужно помнить, что только лишь приобщением осужденных к религии и вере не решить задачи поставленные государством перед пенитенциарными учреждениями. Здесь должен быть комплексный подход и учет интересов не только верующих различных конфессий, но и атеистов. Ведь это конституционное право человека – исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Нельзя заставить осужденного верить под принуждением.

Литература

1. Сатин Э. Праздник освящения // Преступление и наказание, 2007. – №11. – С. 5, 6.
2. Паунов А. Александровский централ // Преступление и наказание, 2006. – №2 – С. 19.
3. Тонконогов А. Пенитенциарное капелланство в современной России // Преступление и наказание, 2006. – №2 – С. 14.
4. Бачинин В.А. Христианское телевидение в пенитенциарной системе // Социологические исследования, 2007. – №3. – С. 105.
5. Васильева А. Через развитие производства – к ресоциализации осужденных // Преступление и наказание, 2007. – №7. – С. 13.
6. Духовные основы наркомании / под общ. ред. иеромонаха Анатолия (Берестова). – М: Душепопечительский Православный центр во имя св. прав. Иоанна Кронштадтского. 2002. – С. 5.
7. Делайте добро // Преступление и наказание, 2009. – №2 – С. 24.
8. Осинский И.И., Гайдай М.К. Пенитенциарная девиантность в условиях трансформации российского общества. Социологический анализ. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006.
9. Давыденко В. Христианское служение в местах лишения свободы // Преступление и наказание, 2006. – №4. – С. 24.

Literature

1. Satin A. The holiday of bless // *Prestuplenie i nakazanie*, 2007. – № 11. – P. 5, 6.
2. Naumov A. Alexandrov's prison (central) // *Prestuplenie i nakazanie*, 2006. – № 2. – P. 19.
3. Tonkonogov A. The criminal-executive capelleishen in modern Russia // *Prestuplenie i nakazanie*, 2006. – № 2 – P. 14.
4. Bachinin V. The Christian television in the criminal-executive system // *Sociologicheskie issledovaniya*, 2007. – № 3. – P. 105.
5. Vasilyeva A. Through the development of the industry – to the resocialization of the convicts // *Prestuplenie i nakazanie*, 2007. – № 7. – P. 13.
6. The spiritual background of drug addiction / ed. by Anatoly (Berestov). M., 2002. – P.5.
7. Do the good // *Prestuplenie i nakazanie*, 2009. – № 2. – P. 24.
8. Osinskii I.I., Gaidai M.K. Penitent deviation in Russian society transformation. Sociological analysis.- Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2006.
9. Davyidenko V. The Christian service in the places of imprisonment // *Prestuplenie i nakazanie*, 2006. – № 4. – P. 24.

Сведения об авторе

Гайдай Мария Константиновна - докторант кафедры философии БГУ.

Data on author

Gajdaj Maria Konstantinovna - doctorant chairs of philosophy department of BSU.

УДК 316.3.4

ББК 67.0я73

Л.А. Кашина, В.Ф. Лелюх

ОСОБЕННОСТИ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИИ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается асоциальное девиантное поведение, причины возникновения, специфика и сфера распространения. Приводятся некоторые данные, полученные авторами в ходе исследования асоциальной девиации лиц, находящихся в местах лишения свободы на примере Иркутской области.

Ключевые слова: девиация, девиантное поведение, проблемы социальных отклонений, правопонимание, исправительные учреждения.

L.A. Kashina, V.F. Lelyuh

FEATURES AND FORMS OF DISPLAY OF DEVIANT BEHAVIOUR IN RUSSIAN CORRECTIONAL INSTITUTIONS IN THE PERIOD OF SOCIETY'S TRANSFORMATION

In the article behaviour history of research of social deviation, the occurrence reasons, specificity and distribution sphere are considered. Some data received by authors during the research society of deviation of persons, being in imprisonment places on the example of Irkutsk region are given.

Key words: deviation, deviant behaviour, problems of social deviation, imprisonment places.

Проблемы социального зла всегда привлекали внимание ученых. Юристы и философы, медики и психологи, педагоги и биологи рассматривали и оценивали различные виды социальной девиантности: преступность, пьянство, алкоголизм, наркоманию, самоубийства и т. п.

Один из знаменитых ученых конца XIX – начала XX в. Г. Тард давал психологическое объяснение социальной девиации. Он сводил все многообразие факторов к адаптированности личности и ее стремлению к выживанию. Г. Тард, характеризуя те или иные социальные явления, в том числе преступность, исходил из разработанной им теории подражания. «Всекие сходства социального происхождения, замеченные в мире общественном, представляют прямые или косвенные следствия подражания во всевозможных его видах: подражания-обычая или подражания-моды, подражания-симпатии или подражания-повиновения, подражания-обучения или подражания-воспитания,

подражания слепого или подражания сознательного», – писал Тард [1].

Итак, не отрицая социального происхождения преступности как одного из проявлений социальной девиации, Г. Тард объясняет общественную жизнь в целом и ее процессы действием простых психических механизмов, главным из которых является подражание [2].

Проблематика социальных отклонений – составная часть обширного комплекса явлений, обстоятельно исследованных в марксизме. Анализируя дебаты Рейнского ландтага по поводу закона о краже леса, К. Маркс «в интересах бедной, политически и социально обездоленной массы» отстаивал концепцию общинного права бедняков. В худшем случае, отмечает К. Маркс, эти действия можно трактовать как проступок, нарушающий полицейские постановления, но никак не в качестве преступления [3]. Весьма существенна постановка К. Марксом вопроса о предупреждении преступлений. Проведенный К. Марксом анализ дока-